

«CUM QUODAM REGE RUSCIE SINGULARITER IN PRELIO DIMICANS...»: БЫЛ ЛИ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ УЧАСТНИКОМ БИТВЫ НА ЛЕЙТЕ?

15 июня 1246 г. на реке Лейте (правый приток Дуная) вблизи современного Нойфельда-на-Лейте (округ Айзенштадт-Умгебунг, земля Бургенланд, Австрия) произошло сражение между войсками австрийского герцога Фридриха II Воинственного и венгерского короля Бела IV. Эта не самая крупная по меркам Средневековья битва стала судьбоносной для Австрии, поскольку в ней погиб герцог Фридрих и с его смертью пресеклась правящая почти три столетия династия Бабенбергов, превратившая Австрию в одно из сильнейших государств Священной империи. Со смертью Фридриха началась многолетняя борьба за «наследство Бабенбергов», в которой участвовали правители нескольких европейских государств, в том числе и галицко-волинский князь Даниил Романович (см.: [Майоров, 2011а, с. 32–52]).

«Король Руси» в битве на Лейте

Уже в источниках XIII в. появляются сведения о том, что на стороне венгерского короля Бела IV в битве на Лейте принимал участие некий «русский король» или «король Руси». В *Анналах монастыря св. Руперта в Зальцбурге (1280-е годы)* рассказ о битве начинается словами: «Венгерский король, собрав великое множество воинов и взяв в союзники королей прусского (?) и русского (*вариант*: русского и соседних с ним), вторгся в пределы Австрии. Двинувшись навстречу, герцог Фридрих вступил с ним в ожесточенное сражение у реки Лейты»¹.

О том, что в битве на Лейте австрийский герцог сражался с войсками сразу нескольких королей, сообщается уже в *Гарстенских анналах (1250-е годы)*: «Кроме того, в том же году (1246. — *А. М.*) в праздник святого Вита король Венгрии Бела вместе с другими королями и князьями вступает в поле в битву с австрийским герцогом Фридрихом, воином отважным и могучим; с обеих сторон была собрана большая военная сила, и войска столкнулись около речки Лейта»². О гибели герцога Фридриха в битве с тремя враждебными ему королями говорит также *Ламбахский продолжатель Мелькских анналов (середина XIV в.)*: «В том же году (1246. — *А. М.*) он (австрийский герцог. — *А. М.*) вступил в бой с тремя королями, а именно королем Венгрии, королем команов и королем Руси, и в итоге одержал верх, тогда же огромное множество [рыцарей] со стороны короля Венгрии он убил и потопил»³.

Наиболее ранним упоминанием об участии в битве на Лейте «некоего короля Руси» следует, вероятно, считать свидетельство *Анналов монастыря св. Пантелеймона в Кельне*, именуемых также *Кельнской королевской хроникой (Chronica regia Coloniensis)*. Согласно этому источнику, именно король Руси сыграл главную роль в судьбе австрийского герцога. В так называемом *Пятом продолжении кельнских анналов, охватывающем период с 1238 по 1249 г.*, сообщается, что в 1246 г. «тот же герцог (Фридрих Воинственный. — *А. М.*) около месяца июня сошелся на поле битвы с королем Венгрии. В схватке он сразился с неким королем Руси, которого убил,

¹ «Rex Ungarie collecta magna multitudine pugnatorum, simulque Bruscie et Ruscie regibus (Ruthenis ac rege ipsorum confinia), confinia Austrie invasit. Cui occurrens dux Fridericus iuxta Leitam fluvium...» (*Annales Sancti Rudberti Salisburgenses a. 1–1286 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae, 1851. T. 9. P. 789*).

² «Item eodem anno in festo sancti Viti rex Hungarie Bela cum aliis regibus et principibus Fridericum ducem Austrie, militem strenuum et potentem, per campestre bellum aggreditur, utrobique magna virtute pugnatorum congregata, circa fluvidum Leitha militiam componendo» (*Continuation Garstensis a. 1182–1257 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 9. P. 598*).

³ «Eodem etiam anno cum tribus regibus, cum rege Ungarie et rege Gomanorum et rege Ruscie, certamen iniit, ubi innumerabili multitudine ex parte regis Ungarie occisa et submersa» (*Continuatio Lambacensis a. 1197–1348 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 9. P. 559*).

но и сам получил от него смертельную рану и [после] прожил лишь два дня. Его войско, однако, добилось победы»⁴.

Анналы монастыря св. Пантелеймона, ведущиеся под руководством кельнских архиепископов (имперских курфюрстов, периодически занимавших высший в империи должностной пост эрцканцлера), широко отражали деяния германских королей и императоров. Составитель Пятого продолжения анналов, закончивший свой труд около 1249 г., постоянно использовал в качестве основного источника послания императора Фридриха II и другие документы имперской канцелярии.

Исходя из этого можно предположить, что известие о гибели австрийского герцога от руки короля Руси в Кельне было получено из какого-то официального документа, первоначально составленного в канцелярии императора, находившегося тогда в Италии. Получив сведения о гибели своего вассала, австрийского герцога, император затем проинформировал об этом происшествии своих подданных в Германии. Видимо, на каком-то из этапов передачи интересующего нас известия в Кельн к нему прибавилась новая подробность, не имеющая подтверждения в австрийских источниках, — о гибели в столкновении с герцогом Фридрихом его убийцы, короля Руси.

Примерно 1255 г. датируется еще одно важное для нас свидетельство. В это время был создан первый в истории немецкой литературы стихотворный роман «Служение дамам» («Frauendienst»), написанный от первого лица в духе автобиографии, где элементы исторической реальности перемешаны с поэтическим вымыслом. Его автор, штирийский поэт-миннезингер Ульрих фон Лихтенштейн (около 1200 — 1275/1277), был непосредственным свидетелем битвы на Лейте и, судя по обилию конкретных подробностей, своими глазами наблюдал последние минуты жизни герцога Фридриха.

Важным аргументом в пользу надежности свидетельства поэта служит тот факт, что описание битвы, строго говоря, не является частью романа, а представляет собой своего рода авторское послесловие к нему, в котором сочинитель переносится из мира поэтических образов к реальной действительности, чтобы посетовать перед читателем на современные испорченные нравы, и в этом контексте говорит о смерти своего покровителя, герцога Фридриха.

Ульрих фон Лихтенштейн подтверждает участие в сражении большого русского войска, которое, по его словам, было едва ли не главной ударной силой Бела IV. Важнейшей частью свидетельств Лихтенштейна является описание гибели его сюзерена герцога Фридриха Воинственного, а также данные им пояснения относительно истинных виновников случившегося. Руссы (Reußen, Reussen, Reuzzen, Riuzen) многократно упоминаются на протяжении сравнительно короткого описания. Они первыми начали битву. Против них стояли люди Генриха фон Лихтенштейна (родственника нашего информатора). Перед началом битвы между двумя рядами выстроившихся друг против друга вражеских войск появился герцог Фридрих и обратился к своим воинам с речью, обещая им щедрые награды в случае победы. Но прежде чем он произнес последние слова, русские внезапно ударили ему в спину. Фридрих пал, но в ту же минуту началась такая жестокая схватка, что никто сразу не обратил внимания на это трагическое происшествие. Генриху Лихтенштейну вскоре удалось переломить ход битвы и обратить русских в бегство:

«[1662] В пятницу, в день святого Вита, // король [венгерский] с многими войсками // отправился на битву с нами, // изрядно подготовившись, и, как обычно, // явился утром к нам на Лейту. // Тогда собрал прекрасную дружину также // храбрейший Фридрих, // славный князь Австрийский. //

[1663] Я вам охотно опишу стихами битву, // как здесь стояло войско против войска, // и как они переправлялись через Лейту, // и как здесь [воины] сражались браво, // и те, и

⁴ «Idem dux circa mensem Iunium congressus est cum rege Hungarie in bello campestri. Cum quodam rege Ruscie singulariter in prelio dimicans, ipsum interfecit et ab eodem mortale vulnus accepit, supervivendo duobus diebus; exercitus tamen suus triumphavit» (Annales sancti Pantaleonis Coloniensis / Ed. H. Cardeuns // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1872. T. 22. P. 541).

те несли потери. // Если же я теперь о чем-то умолчать желаю, // все то уже не раз описано стихами [мною] прежде, // и я наверняка того не упустил. //

[1664] Хочу теперь сказать я совсем кратко, // как князь [наш] был тогда убит. // Начало битву войско руссов. // И вовремя вступил в сражение // с своей дружиной господин мой Генрих // из Лихтенштейна, мужества исполнен, // он нес хоругвь своей рукою, // меж двух дружин стремительно промчавшись. //

[1665] Князь достославный Фридрих, // напутствовал тут рыцарей своих, // сказав им: «Бейтесь же сегодня храбро! // Я сам всех поведу на битву. // И каждый пусть из вас получит // награду щедрую, как то всегда бывало. // И все из вас, кто меня почитает, // Пусть встанут на мою защиту». //

[1666] О! Что потом случилось! // К несчастью, князь того не видел, // как подступило войско руссов // (того не видел совершенно), // готовое ударить всюю силой. // Стремительно напало войско руссов, // ударив князя сзади. // С того момента он лежал страдая. //

[1667] А битва между ними продолжалась. // Никто тогда и не заметил, что пал // одной из армий предводитель. // Тем временем сражение завершалось. // Увы, увы! Великое несчастье! // Настигла смерть [нашего] князя. // Нашел его, лежащего печально, // писарь, чье имя было Генрих»⁵.

Итак, Ульрих фон Лихтенштейн свидетельствует, что герцог Фридрих был убит русскими, ударившими сзади, чье нападение он не предполагал. Георг Шайбельрайтер находит это свидетельство «достаточно достоверным»: «Благодаря узким прорезям для глаз, — пишет новейший историк, — шлем-горшок (Torphelm) давал возможность ориентироваться только фронтально, что было достаточно для классической кавалерийской атаки, но представляло угрозу, если воин имел дело с противником, не соблюдавшим рыцарского стиля боя, — этого можно было ожидать от русских вспомогательных войск короля Белы. К тому же в сумятице боя было трудно управлять конем таким образом, чтобы избежать опасности быть атакованным сзади» [Scheibelreiter, s. 344].

Доказательством причастности русских к трагическим событиям, произошедшим на берегах Лейты, может служить тот факт, что гибель герцога Фридриха Воинственного нашла отражение в русских летописях.

Согласно Галицко-Волынской летописи (конец XIII — начало XIV в.), герцог Фридрих «бився, одоле королеви Оугорьскомоу, и оубьень бысть от своих боярь во брани»⁶. Несомненно, это известие так или иначе связано с версией о «странной» смерти Фридриха Воинственного, павшего от руки кого-то из его собственных приближенных, появляющейся в австрийских хрониках уже во второй половине XIII в.⁷

⁵ «[1662] An sante Vites tages vruo // der künic mit scharen zogte zuo, // er zogt zuo uns uf einen strit: // des gerouwe in und di sinen sit. // er zogt zuo uns an die Leittâ. // dô schart ouch sich vil schône sâ // der hôch gemuote Friderich, // der fürste wert üz Österrich. // [1663] Den strit tihte ich iu gern gar // wie dâ bestount diu schar diu schar, // und wie man kom über die Leittâ, // und wie ez di biderben tâten dâ, // und wie der und der wart erslagen; // wan daz ichz dar umbe wil verdagen: // ez ist getihtet è vor mir, // dâ von ich der niwe wol enbir, // [1664] Und wilz iu gar kurzlichen sagen, // wie dâ der fürst wart erslagen: // der Reuzzen schar huop dâ den strit, // gein den kom schône an der zit // mit einer schar mîn her Heinrich // von Lichtenstein, der muotes rieh: // er fuort den vanen in siner hant, // zwischen die zwò schar kom gerant // [1665] Der werde fürste Friderich: // er mant di sinen ritterlich; // er sprach: “nu stritet hiute wol! // drumbe ich iuch alle rîchen sol. // ich wil iu nimmer niht versagen // für wâr bi allen mînen tagen, // swes iwer deheiner an mich gert, // des sol er alles sin gewert.” // [1666] Owè des, daz dâ geschach! // der fürste leider übersach, // daz dar gesprangte der Reuzzen schar // (daz übersach er leider gar), die wîle er hie di sinen mant. // der Reuzzen schar dô kom gerant // hinden uf den fürsten rich: // dâ von gelac er jaemerlich. // [1667] Der strit zusamme schön kom sâ. // dô weste ouch niemen, daz lac dâ // des strîtes herre ze einer sit. // uf dem stuont vast enstet der strit: // owè, owè der grôzen nô! dâ gelac der fürste têt. // den vant sit ligende jaemerlich // sin schrîber, der hiez her Heinrich» (Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst / Hrsg. von R. Bechstein. Leipzig, 1888. Bd. 2 (= Deutsche Dichtungen des Mittelalters / Hrsg. von K. Bartsch. Bd. 7/2). S. 255–256).

⁶ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 820.

⁷ См.: Annales Sancti Rudberti Salisburgenses. P. 789; Chronicon rhythmicum Austriacum / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1880. Т. 25. P. 362.

Вместе с тем в русских летописях нашла отражение и другая, более ранняя версия гибели австрийского герцога, впервые отразившаяся в источниках середины XIII в., согласно которой Фридрих пал в столкновении с русским князем, предводителем участвовавшего в битве на стороне венгерского короля русского войска. В Густынской летописи, памятнике украинской историографии начала XVII в., под 1246 г. читаем: «Беля, король Угорский, имея рать со Фридрихомъ, Ракускимъ княземъ, призва себе Данила въ помощь; Данило же прииде со рускими и татарскими полки, крепко бияшеса со немци, донеле же победи ихъ и Фридриха уби»⁸. Как видим, украинский летописец не сомневался в идентификации оставшегося неизвестным для европейских хронистов «короля Руси», убийцы австрийского герцога.

Даниил Романович или Ростислав Михайлович

В последнее время интерес к вопросу о «короле Руси», участнике битвы на Лейте, заметно усилился, его решению посвящено несколько специальных исследований. Острая дискуссия о возможном участии в битве галицко-волинского князя Даниила Романовича и его причастности к убийству австрийского герцога развернулась, в частности, после публикации наших работ по этому вопросу (см.: [Майоров, 2011б, с. 654–673; Майоров, 2012а]).

Нашим оппонентом выступил Дариуш Домбровский, по мнению которого «королем Руси» европейские источники и, прежде всего, Анналы монастыря св. Пантелеймона именуют беглого черниговского князя Ростислава Михайловича, зятя и союзника венгерского короля Белы IV. По расчетам историка, Даниил не мог принимать участия в битве на Лейте, так как не успел бы к 15 июня 1246 г. вернуться из Орды. Кроме того, Д. Домбровский обращает внимание на отсутствие описания битвы и поединка с герцогом Фридрихом в Галицко-Волинской летописи — основном источнике наших сведений о жизни Даниила Галицкого [Dąbrowski, s. 272].

К доводам Д. Домбровского присоединяется Л. В. Войтович [Войтович, с. 54]. А. В. Мартынюк указывает на грамоту венгерского короля от 20 ноября 1255 г., подтверждавшую земельное пожалование родственникам некоего Андреаса, который в битве против Фридриха Австрийского, «по свидетельству Радислава, князя Галиции, нашего любимого зятя» («per Radizlaum, ducem Gallicie, karissimum generum nostrum»), убил не названного по имени немецкого рыцаря⁹. «Жалованный акт Белы IV, — делает вывод исследователь, — эксплицитно называет Ростислава участником битвы», и сопоставление источников «не оставляет сомнений в том, что под “королем Руси” анналов монастыря Св. Пантелеймона скрывается князь Ростислав Михайлович» [Мартынюк, с. 53].

На наш взгляд, сомнения все-таки остаются. Документ, на который ссылается А. В. Мартынюк, давно известен историкам: на него обращал внимание еще Иоганн Христиан фон Энгель в своей «Истории Галиции и Лодомерии» [Engel, s. 569]. Строго говоря, грамота позволяет заключить лишь о том, что Ростислав Михайлович, свидетельствовавший перед королем о подвиге воина Андреаса в битве на Лейте, сам мог быть участником этой битвы. Последнее, однако, совершенно не исключает возможности участия в битве Даниила.

Вместе с тем можно согласиться с А. В. Мартынюком, что, отмечая среди участников битвы некоего «короля Руси», австрийские хронисты совершенно не интересовались его личностью, и «вопрос о том, не скрывается ли за этой фигурой какой-нибудь реальный русский князь, не был для австрийской историографии принципиальным», средневековый австрийский анналист, по-видимому, «мог записать в участники битвы любого русского союзника Белы IV» [Мартынюк, с. 50, 51].

Однако подобное невнимание к личности «короля Руси» свидетельствует скорее против Ростислава Михайловича в качестве предполагаемого победителя Фридриха Воинственного. Дело

⁸ ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 121.

⁹ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. Buda, 1829. Т. IV. Vol. 2. P. 314.

в том, что дочь Ростислава и внука Бель IV Кунигунда Славонская с 1261 г. была замужем за герцогом Австрии и королем Чехии Пржемыслом Отакаром II, а внука Ростислава Агнесса (дочь Отакара II и Кунигунды) в 1289 г. вышла замуж за Рудольфа II из новой правящей австрийской династии Габсбургов. Следовательно, фигура Ростислава для австрийских хронистов второй половины XIII — начала XIV в., собиравших сведения о гибели герцога Фридриха Бабенберга и специально выяснявших его возможных убийц, имела немаловажное значение. Будь убийцей Фридриха Ростислав, хронисты 1260—1270-х годов (когда в Австрии и Штирии правил Отакар II) и наступившей затем габсбургской эпохи едва ли обошли бы стороной этот факт.

О времени возвращения Даниила из Орды

Как мы видели, важнейшим доводом против возможности участия Даниила Романовича в битве на Лейте является расчет времени его возвращения из поездки к Батью: вернувшись из Орды не ранее мая, князь не успел бы провести переговоры, заключить мир и военный союз с венгерским королем, собрать войско и прибыть с ним к месту сражения до 15 июня 1246 г. Проверим эти расчеты.

В числе свидетелей своего пребывания у татар Карпини называет Даниила и его людей, встреча с которыми произошла «вблизи ставок Картана». В другом месте Карпини уточняет, что «некий князь по имени Кортан» кочует у Дона¹⁰. И хотя личность Картана (Kartan, Carbon), чье имя передано Карпини в ономастической форме, не поддается идентификации [Pelliot, p. 56], известно, что донские половцы обычно уходили зимовать на Нижний Дон. Здесь, очевидно, и встретил Карпини русского князя, возвращавшегося со своими людьми от Батя.

Расстояние от устья Дона до Владимира-Волынского (через Переяславль и Киев) составляет около тысячи километров. Сколько времени должен был затратить Даниил на преодоление этого пути?

Изучая хронологию известий Галицко-Волынской летописи, относящихся к поездке старшего Романовича в Орду, М. С. Грушевский сопоставил их с данными Карпини, ехавшего вслед за Даниилом и подробно описавшего свой путь к Батью. В результате историк установил, что встреча Даниила и Карпини должна была произойти в середине марта 1246 г. «Плано Карпини ехал от Киева до Бату ровно два месяца; Даниил мог бы совершить эту поездку несколько быстрее, но из приведенных дат того не видно». Исходя из этих расчетов на Волынь Даниил вернулся не ранее начала или даже середины мая 1246 г. [Грушевский, с. 33].

В направлении, заданном М. С. Грушевским, рассуждают и новейшие авторы. По подсчетам Л. В. Войтовича: «Папское посольство, выехав из Киева 4 февраля, меняя коней по 3—4 раза в день (чего не мог себе позволить княжеский поезд с породистыми боевыми и вьючными лошадьми, которых нельзя было заменить на монгольских ямах-станциях), двигаясь даже ночью, добралось до ставки Батя лишь 4 апреля, т. е. через два месяца... Учитывая время и место встречи князя с Плано Карпини на полпути между ставками Коренци (Курумьши) и Батя, можно утверждать, что до Киева он (Даниил. — А. М.) мог добраться не ранее конца апреля 1246 г.» [Войтович, с. 55].

Согласно Д. Домбровскому, Даниил и его дружина добирались от Дона до Волыни не менее одного или даже двух месяцев. Впрочем, исследователь явно ошибочно определил расстояние, которое должен был преодолеть Даниил: «по прямой линии, разделявшей Дон (в районе современного Ростова) и Владимир-Волынский (условно говоря, здесь князя ожидала его семья)» составляет около 1800 км (!) [Dąbrowski, s. 268, рг. 697]. В действительности таково расстояние между Владимиром-Волынским и ставкой Батя в низовьях Волги.

Нам представляется, что Карпини и Даниил нашли друг друга в придонской степи, так как следовали по одному и тому же пути, используемому монголами. Встретить друг друга они,

¹⁰ Дживованни дель Плано Карпини. История Монгалов / Пер. с лат. А. И. Маленина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 70, 81—82.

скорее всего, должны были на одной из монгольских «станций», где путники меняли лошадей и отдыхали после дороги. Следуя по монгольскому пути в ставку хана (и обратно), путешественники, очевидно, пользовались монгольскими лошадьми как наиболее приспособленными для дальних переходов в степной местности в зимнее время.

Едва ли можно сомневаться в том, что Даниилу был известен трагический случай с людьми великого князя Ярослава Всеволодовича, ехавшими вслед за князем к татарам на собственных лошадях и погибшими в безжизненных степях кангитов (восточных соседей половцев): «люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне», — отметил интересующий нас случай Карпини¹¹.

Доказательством использования не только Плана Карпини, но и Даниилом Романовичем монгольских лошадей для поездки в Орду, как нам представляется, можно считать описанную папским посланником перемену лошадей, которую он вынужден был сделать в Киеве.

Прибыв сюда в сопровождении «служителя» волынского князя Василька Романовича, Карпини получил добрый совет от киевского «тысячника» и других «знатных людей»: «Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корму»¹².

Не приходится сомневаться, что такое же предупреждение киевский тысячник должен был сделать и Даниилу, которому также предстояло ехать в Орду в зимний период, и у Даниила, как и у Карпини, по всей видимости, не оставалось другого выбора, как только пересечь на выносливых и неприхотливых «лошадях татар».

Заметим, кстати, что использование Даниилом и его дружиной татарской конской сбруи и вооружения подтверждает Галицко-Волынская летопись. В сообщении о встрече русского князя, венгерского короля и послов германского императора в Пожге (Братислава) летом 1249 г. читаем о большом удивлении немецких послов при виде татарской сбруи, боевых конных доспехов и оружия воинов Даниила: «Немьци же дивящесе оружием татарьскомуу, беша бо кони в личинахъ и в коярехъ кожаныхъ, и людье во ярыцехъ»¹³. Использование монгольского конского доспеха, надо думать, предполагало использование соответствующих пород лошадей, для которых этот доспех был предназначен.

От Киева до Сарай-Бату (локализуется, вероятнее всего, на реке Ахтубе, притоке Волги, примерно в 120 км выше современной Астрахани) Карпини, по его словам, добирался два месяца. Однако почти половину этого времени ему пришлось потратить на посещение татарского военачальника Куремсы (Коренцы), чья ставка находилась где-то в низовьях Днепра. Получив разрешение и сопровождающих для дальнейшего следования, «в понедельник, после первого воскресенья Четырдесятницы» (26 февраля) папский легат покинул лагерь Куремсы и прибыл к Бату «в среду Страстной Недели»¹⁴ (4 марта).

Таким образом, за 37 дней пути Карпини преодолел около 1400 км, двигаясь со средней скоростью около 40 км в день. Примерно с такой же скоростью Карпини проехал путь от Сарая до Каракорума (локализуется в окрестностях современного монгольского города Хархорин), преодолев не менее 4500 км за 105 дней, выехав «в день Воскресения Господня» (8 апреля), папский посол достиг столицы монголов «в день блаженной Марии Магдалины»¹⁵ (22 июля), проходя ежедневно по 40–45 км.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Там же. С. 67.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814.

¹⁴ Джиованни дель Пано Карпини. История Монгалов. С. 70.

¹⁵ Там же. С. 71, 74.

Однако скорость движения Карпини не может быть надежным ориентиром для определения скорости и продолжительности поездки в Орду русского князя. Нужно учитывать, что свое путешествие не имевший специальной подготовки монах-францисканец совершал в весьма пожилом возрасте. Если исходить из принятой в новейшей литературе даты рождения Карпини (около 1180 г.) [Guzman, p. 307; Lampert-Weissig, p. 88; Phillips, p. 28], то ко времени поездки в Монголию ему было уже не менее 65 лет.

Видимо, в силу возраста и отсутствия специальных навыков папский легат путешествовал в телеге (или на подводе). Об этом он прямо свидетельствует в своих записках. Из Киева папские послы продолжили путь на подводах, купленных у местного тысячника: «нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провожатых»; «на повозке по снегу» Карпини ехал до Киева с Волыни. И далее, добираясь до ставки Куремсы, папские послы просили у встречаемых ими татарских начальников «дать подводы и провожатых»¹⁶.

Трудно допустить, чтобы русский князь со своей дружиной добирался до ставки Батые на телеге. Между тем совершенно очевидно, что скорость движения при езде верхом и на подводах значительно различается. Об этой разнице прямо свидетельствует сам Карпини. Несмотря на всю «возможную поспешность», с которой папских послов везли от Куремсы к Батью, их опередили верховые гонцы, отправленные одновременно с ними¹⁷.

Для нашей цели, как кажется, более подходит пример другого путешественника в Монголию середины XIII в. — посла французского короля Людовика IX Гийома (Вильгельма) де Рубрука. В отличие от Карпини Рубрук, несомненно, имел опыт далеких путешествий: как участник Седьмого Крестового похода (1248—1254 г.) он сопровождал своего короля в Святую Землю, откуда, по его поручению, отправился к татарам. Кроме того, исходя из принятой в новейшей литературе даты рождения Рубрука (около 1215 г.) [Guérett-Laferté, p. 373] ко времени своего путешествия в Монголию он по меньшей мере на четверть века был моложе Карпини.

Рубрук на собственном опыте мог испытать разницу между путешествием на верховых лошадях и на телегах. По прибытии морским путем в крымский порт Судак (Согдаёй) королевский посланец доверился совету знакомых купцов и пересел на телеги: «Я послушался тогда их совета, однако на свою беду, так как был в пути до Сартаха два месяца, а если бы я поехал на лошадях, то мог бы совершить этот путь в один месяц»¹⁸.

Первоначально Рубрук скрывал цели своей поездки и путешествовал под видом простого миссионера, вынужденный самостоятельно заботиться о средствах передвижения, что весьма замедляло его путь. Однако, добравшись до ставок Сартака, а затем Батые, посланник французского короля открыл свой истинный статус, подтвердив его королевскими грамотами. После этого доставку Рубрука и его спутников к великому хану монголы взяли на себя, предоставив послам своих лошадей и все необходимое снаряжение¹⁹.

В результате скорость движения королевского посольства существенно возросла. На сменных монгольских лошадях, по словам Рубрука, путники «почти всякий день, как я мог рассчитать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана (около 100 км. — А. М.), а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей». Впрочем, иногда движение замедлялось: «Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее»²⁰.

¹⁶ Там же. С. 67—69.

¹⁷ Там же. С. 70.

¹⁸ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. с лат. А. И. Малеева // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 89—90.

¹⁹ Там же. С. 122.

²⁰ Там же. С. 123.

Свой путь от Сарая до Каракорума Рубрук проделал за 101 день. Из ставки Батгия он выехал «на второй день после Воздвижения Святого Креста» (16 сентября) и прибыл ко двору великого хана «в праздник святого евангелиста Иоанна»²¹ (27 декабря 1253 г.). При этом Рубрук по дороге сделал по крайней мере один длительный отдых на 12 дней (в городе Кайлак (Khaulak) «мы отдыхали 12 дней»)²² и, видимо, еще несколько дней потратил на посещение описываемых им других городов и селений. Судя по всему, его чистое время в пути не превышает 85 дней. Таким образом, средняя суточная скорость Рубрука достигала 50–55 км. На обратном пути из Каракорума в Сарай он двигался еще быстрее, потратив около 70 дней («мы ехали до Бату два месяца и 10 дней»)²³, и, следовательно, преодолевал до 60–65 км в день.

Очевидно, что более корректным сравнением для поездки в Орду Даниила должны быть результаты путешествия Рубрука: оба они были опытными всадниками и отправились в далекий путь к монголам примерно в одном возрасте.

Это общее соображение подтверждают летописные данные, доказывающие, что конная дружина Даниила обладала гораздо большей мобильностью, чем думают новейшие историки.

В Галицко-Волынской летописи находим следующие важные для нас свидетельства. Получив весть об отъезде из Галича боярина Судислава, своего главного врага, Даниил поспешил захватить город врасплох и «иде в мале дружинке к Галичю изо Оугровьска, во третии день бывшоу емоу на ночь во Галичь»²⁴. Расстояние между Угровском и Галичем по прямой — около 240 км, следовательно, дружина Даниила двигалась со скоростью около 80 км в сутки. Преследуя ятвягов от Владимира-Волынского, дружина Василька Романовича на третий день достигла Дрогичина: «гна же по нихъ Василко из Володимеря, оугони е и бывшоу емоу третии день из Володимеря въ Дорогычине»²⁵. Расстояние от Владимира до Дрогичина — около 210 км, то есть средняя суточная скорость дружины Василька составляла примерно 70 км.

Проанализировав летописные данные о походах конных дружин, относящиеся к домонгольскому периоду, А. Н. Кирпичников сделал вывод: «В XII—XIII вв. дневной переход конной дружины составлял примерно 50–60 км (иногда и значительно больше)» [Кирпичников, с. 58]. Примерно с такой же скоростью перемещались со своей свитой светские и церковные правители Западной Европы. Как установил еще Фридрих Людвиг, в XII—XIII в. для длительных путешествий, продолжавшихся несколько недель и даже месяцев, «обычной нормой передвижения можно считать ежедневную дистанцию в диапазоне от 40 до 45 км», для менее продолжительных поездок норма дневного перехода могла достигать 60 км и более [Ludwig, s. 180 f.].

Выехавший из ставки Куремсы 26 февраля и двигавшийся со скоростью порядка 40 км в день, Карпини мог достичь низовьев Дона примерно через 15 дней, то есть его встреча с Даниилом могла произойти ориентировочно 12 марта.

Если, направляясь в Орду, Даниил, по-видимому, был обременен грузом подарков для татар, то в обратный путь он отправился, скорее всего, налегке. Князь не имел никаких причин задерживаться в степи и, следовательно, должен был возвращаться домой со всей возможной скоростью.

Надо думать, что, возвращаясь от Батгия, Даниил воспользовался прямой дорогой через Переяславль и Киев. Именно такой дорогой князь изначально намеревался ехать в Орду, но по прибытии в Переяславль был, по словам летописи, остановлен татарами, заставившими изменить маршрут и ехать сперва к Куремсе: «И прииде Переяславлю, и стретоша татарове. Оттуда же еха къ Куремесе»²⁶. У нас нет сведений о том, что, возвращаясь домой, князь вынужден был

²¹ Там же. С. 122, 136.

²² Там же. С. 126.

²³ Там же. С. 183.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758.

²⁵ Там же. Стб. 799.

²⁶ Там же. Стб. 806.

искать какие-то обходные пути или согласовывать свой маршрут с кем-то из степных правителей. Ставшему непосредственным вассалом Батыея и получившему от него подтверждение своих княжеских прав Даниилу, очевидно, более не требовалось, как это было по пути в Орду, ехать на поклон к Куремсе и просить разрешения на дальнейший проезд.

Проезжая по 50–60 км в день, Даниил мог успеть вернуться в свою новую столицу город Холм за 20–25 дней, границ Вольнской земли князь мог достичь уже в конце марта — начале апреля 1246 г. Даже если бы князь ехал со скоростью Карпини (40 км в день), он добрался бы до Холма на 30-й день пути, то есть не позднее конца первой декады апреля.

Этот наш вывод согласуется с важным хронологическим указанием Галицко-Вольнской летописи. Рассказ о поездке князя к Батыею в самом конце прерывает небольшая вставка — сообщение о неудавшемся походе на ятвягов Василька Романовича и мазовецкого князя Конрада: поход был прекращен из-за обильного снегопада, и войска вернулись домой с полдороги. Сообщение об этом походе летописец начинает словами: «Тое же зимы Кондрать присла посоль по Василка»²⁷.

По верному замечанию М. С. Грушевского, выражение «тое же зимы» относится ко времени, когда «Даниил ездил в Орду». Конрад пригласил Василька в поход на ятвягов, скорее всего, в начале 1246 г. Далее М. С. Грушевский делает важное наблюдение о совпадении по времени похода на ятвягов и возвращения из Орды Даниила: «Замечу, что эта запись — вставка, которая разбивает рассказ о возвращении Даниила из Орды (“Бысть же ведомо странамъ приходъ его” — то есть Даниила, в то время как летописец говорит о Василько)» [Грушевский, с. 33].

Действительно, вставка в конце рассказа о поездке Даниила в Орду краткого сообщения о малозначительном и никак не связанном с самой этой поездкой событии могла иметь целью обозначить хронологически возвращение Даниила, произошедшее сразу после окончания неудавшегося похода на ятвягов, предпринятого на исходе зимы, то есть в конце февраля — начале марта 1246 г. Таким образом, летописный рассказ о поездке Даниила в Орду, отражающий важнейшее для судеб Галицко-Вольнской Руси событие, отмечен в летописи сразу двумя хронологическими вехами, относящимися к началу поездки («изиде же на праздникъ святого Дмитрея»²⁸ — 26 октября 1245 г.) и к ее завершению (окончание неудавшегося похода на ятвягов Василька и Конрада).

Поворот во внешней политике Белы IV

Примирению Даниила Романовича с Белой IV предшествовал период взаимной вражды: всю первую половину 1240-х годов венгерский король поддерживал своего зятя, Ростислава Михайловича, боровшегося за Галич с Романовичами [Майоров, 2013, с. 63–67]. Своего апогея это противостояние достигло 17 августа 1245 г., когда венгерские войска, выступившие на стороне Ростислава, сошлись с Романовичами в Ярославской битве. Казалось бы, весной 1246 г. для полного примирения и династического союза Даниила с Белой не могло быть оснований. И, тем не менее, по словам Летописца Даниила Галицкого, венгерский король первым предложил мир и союз, прислав на Русь своего посла («присла король Оугорьский вицькаго»), как только узнал о благополучном возвращении Даниила из Орды²⁹.

Как справедливо замечает Д. Домбровский, к союзу с Романовичами венгерского короля толкала нерешенность давнего конфликта с австрийским герцогом [Dąbrowski, s. 269]. По свидетельству Рогерия Апулийского, противостояние началось еще в 1241 г., когда герцог Фридрих обманом заманил бежавшего после монгольского разгрома Белу в один из своих замков, пленил и потребовал «вернуть некую сумму денег, которую, как он утверждал, король некогда у него отнял».

²⁷ Там же. Стб. 808.

²⁸ Там же. Стб. 806.

²⁹ Там же. Стб. 809.

Чтобы выполнить условия герцога, Беле пришлось «расплатиться» приграничными венгерскими землями³⁰ — очевидно, располагавшимися по течению реки Лейты комитатами Шопрон, Мошон и Ваш. После этого, пользуясь ослаблением королевской власти и под предлогом защиты от монголов герцог Фридрих ввел в Венгрию войска [Juritsch, s. 603–615; Lechner, s. 291–292]. В следующем году Бела организовал ответный поход против Фридриха, вернув потерянные территории [Pauler, o. 213, 223; Vancsa, s. 480; Dienst, s. 5–6].

В 1245 г. в Европе началось новое противостояние, обусловленное конфликтом высшей церковной и светской власти. 17 июля на церковном соборе в Лионе папа Иннокентий IV объявил о низложении императора Фридриха II. Одновременно на съезде в Вероне собрались сторонники последнего: латинский император Балдуин II, германский и сардинский короли Конрад IV и Энцо, маркграфы и герцоги Австрии, Штирии, Каринтии, Моравии, Бранденбурга и многие другие [Raumer, s. 395–396]. Во время встречи в Вероне император заключил с австрийским герцогом договор о женитьбе на его сестре Гертруде, за что герцог должен был получить королевский титул и новое ленное владение — герцогство Крайну. Усиление Фридриха Воинственного привело к возобновлению агрессивной политики в отношении его соседей [Daniek, s. 112; Gutkas, s. 42; Scheibelreiter, s. 339–340].

Венгерский король Бела IV не поддержал императора. В послании от 21 августа 1245 г. папа освободил Бела от принесенной ранее клятвы верности Фридриху II³¹. Таким образом, венгерский король и австрийский герцог оказались в разных политических лагерях, возникла угроза нового столкновения между ними.

Военные действия развернулись уже в начале 1246 г. 26 января Фридрих Воинственный нанес поражение войскам союзника Бела IV, чешского короля Вацлава I, в битве между городами Штац и Лаа-ан-дер-Тайя (ныне на северо-востоке земли Нижняя Австрия): в плен к австрийскому герцогу, по разным данным, попало от двухсот до трехсот богемских рыцарей³².

Попытка венгерского короля предотвратить развитие конфликта путем переговоров провалилась. Как сообщает венский поэт и историк Янс Эникель (ум. после 1302 г.), прибывшего для переговоров посла Бела IV австрийский герцог, возмущенный его чересчур пышным одеянием, приказал сбросить в городской ров, нанеся тем самым тяжкое оскорбление венгерскому королю³³.

Весной 1246 г. австрийские войска под командованием герцога Фридриха вторглись в Западную Венгрию: военные действия развернулись в районе Шопрона и в окрестностях Пожоня (Братиславы). Поначалу успех сопутствовал австрийскому герцогу: венгры несли потери и в короткий срок оставили спорные приграничные комитаты Шопрон, Мошон и Ваш [Pauler, o. 213, 223, 243, 245; Vajda, s. 138]. О масштабах нависшей над Венгрией опасности свидетельствует тот факт, что даже спустя десять лет, в 1256 г., Бела IV называл австрийского герцога Фридриха II «нашим главным врагом» («nostrum inimicum capitalem»)³⁴. За возвращение захваченных Фридрихом в 1246 г. территорий венгерский король еще несколько лет вел упорную борьбу,

³⁰ *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А. С. Досаева. СПб., 2012. С. 44–45.

³¹ *Vetera Monumenta Hungariae sacram illustrantia* / Ed. A. Theiner. Roma, 1859. T. I. Nr. 369. P. 199–200.

³² *Continuatio Lambacensis a. 1197–1348* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. 9. P. 559; *Continuatio Garstensis a. 1182–1257* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 597–598; *Continuatio Sancrucensis II a. 1234–1266* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 641; *Continuatio Zwetlensis III a. 1241–1329* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 655.

³³ *Jansen Enikels Fürstenbuch* / Ed. Ph. Strauch // *Monumenta Germaniae Historica. Deutsche Chroniken*. Hannover, etc., 1900. T. 3. P. 651–652 (verl. 2705–2788).

³⁴ *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus* / Ed. G. Wenzel. Pest, 1861. T. 2. Nr. 179. P. 269.

обращаясь за помощью и посредничеством к рыцарям-иоаннитам и к римскому папе³⁵ (подробнее см.: [Reiszig, o. 58 sq.]).

Как нам представляется, в первой половине 1246 г. перед лицом растущей австрийской агрессии Венгерское королевство, ослабленное опустошительным нашествием монголов, нуждалось в сильных союзниках. Не имея возможности (после поражения армии чешского короля) найти помощь на Западе, Бела IV энергично искал ее на Востоке.

Прежде всего, венгерскому королю удалось примириться с половцами, которые, как сообщает магистр Рогерий, в начале 1241 г. разорвали союз с Белой и покинули Венгрию после вероломного убийства своего хана Котяна³⁶. Чтобы восстановить доверие половцев, венгерскому королю пришлось согласиться на брак своего сына с дочерью нового половецкого предводителя.

В одном из списков «Истории Монгалов» Плано Карпини, хранящемся ныне в Люксембургской национальной библиотеке, имеется запись о посещении венгерского короля неким «братом Иоанном», датированная 1246 г. Согласно этой записи, венгерский король, опасаясь нового нападения монголов, женил своего сына, уже коронованного в качестве «младшего короля», на дочери «короля Романов» (вероятно, команов). Во время свадебного пира десять половецких правителей согласно своему обычаю поклялись над разрубленной мечом собакой, что они будут верны венгерскому королю и будут защищать венгерские земли от татар и других варварских народов (см.: [Sinor, 1957, p. 193–206]).

Достоверность приведенного свидетельства не вызывает сомнений у исследователей, поскольку прямо или косвенно соответствует показаниям других источников; в частности, находят подтверждение сведения о ритуальной клятве над убитой собакой, практикуемой половцами и другими степными народами (см.: [Sinor, 1992, p. 301–305; Golden, p. 45–55; Berend, p. 98–99]). Примирение и военный союз венгров с половцами подтверждаются также сведениями австрийских хроник, согласно которым в битве на Лейте на стороне венгерского короля сражались половецкие войска, возглавляемые своим «королем»³⁷. Об участии в битве половцев (Cumanis, Valben), выступивших против австрийского герцога, свидетельствуют и современники события — баварский хронист Генрих из Альтаха, а также Янс Эникель³⁸. Вероятнее всего, военный союз Бела IV с половцами был заключен накануне решающего сражения с австрийским герцогом (см.: [Uhlirz, s. 155 ff.; Pálóczi-Horváth, p. 313–333]).

Именно весной 1246 г. венгерский король особенно остро нуждался в помощи соседних русских князей, сильнейшими среди которых были, безусловно, Романовичи. Во всяком случае, Ростислав Михайлович после поражения под Ярославом и окончательного изгнания из Руси едва ли мог располагать необходимыми для большой войны ресурсами.

Королевский титул русских князей в середине XIII в.

Как мы уже видели, непосредственный свидетель битвы на Лейте штирийский поэт-миннезингер Ульрих фон Лихтенштейн говорит об участии в сражении большого и сильного русского войска, которое, по его словам, было чуть ли не главной ударной силой Бела IV. Таким многочисленным и сильным войском мог располагать тогда не покинувший Русь князь-изгой, искавший убежища при венгерском дворе, а правитель сильной в военном отношении русской земли.

Об этом, на наш взгляд, свидетельствует и использование австрийскими и немецкими хронистами королевского титула в отношении предводителя русского войска. Такой титул

³⁵ Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Buda, 1829. T. IV. Vol. 1. P. 447 sq.; Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia. T. I. Nr. 393. P. 208–211. См. также: Regesta Pontificum Romanorum, 1198–1304 / Ed. A. Potthast. Roma, 1875. T. 2. Nr. 14016. P. 1158.

³⁶ *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 33–35.

³⁷ Continuatio Lambacensis. P. 559; Continuatio Garstensis. P. 598.

³⁸ Hermanni Althensis annales a. 1137–1273 / Ed. Ph. Jaffe // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1861. T. 17. P. 393; Jansen Enikels Fürstenbuch. P. 651.

применялся к государям, властвовавшим вне латинского (западно-христианского) культурного круга и не признававшим верховенство римского императора и папы, как правило, если речь шла о суверенных правителях сильных государств или народов. В нашем случае это подтверждается использованием титула «король куманов» для обозначения суверенного предводителя сильного половецкого войска, участвовавшего в битве на Лейте наряду с русским войском.

С другой стороны, в документах папы и императора 1240-х годов заметны различия в титуловании русских князей, и Даниил Галицкий явно выделяется между ними в ранговом отношении: применение к нему титула «король Руси» («rex Russiae») неоднократно фиксируется еще до официальной коронации князя в 1253 г. [Майоров, 2010, с. 140–148; Майоров, 2015, с. 53–61]. В то же время к другим русским князьям в буллах Иннокентия IV применяются «региональные» титулы, очевидно, уступающие титулу «король Руси»: владими́ро-суздальский и новгородский князь Александр Ярославич (Невский) титулуется «князь Суздальский» («dux Susdaliensis») ³⁹ или «король Новгорода» («rex Novgradiae») ⁴⁰, а брат Даниила, волинский князь Василько Романович, — «король Лодомерии» («rex Lodomeriae») ⁴¹.

Дважды побывавший на Руси, в 1246 и 1247 г., папский посол Плато Карпини только в отношении Даниила употребляет королевский титул, называя его «король Даниил Русский» («rex Daniel Ruscia») ⁴². Всех прочих русских правителей он именует князьями, в том числе великого князя владимирского и киевского Ярослава Всеволодовича — «князь / великий князь Руси» («Ierozlai ducis Ruscie»; «Ierozlaum, magnum ducem Ruscie»), или «князь Суздальской Руси» («dux Ierozlaus de Susdal Ruscie»), или «великий князь в части Руси, именуемой Суздалем» («Ierozlaus, dux magnus in quadam parte Ruscie que Susdal nominator») ⁴³. Князем папский посланник именуется также отца Ростислава, Михаила Всеволодовича Черниговского, «который был одним из могущественных князей Руси» («Michael, qui fuit unus de magnis ducibus Ruscie») ⁴⁴.

Нет случаев использования в западноевропейских источниках королевского титула в отношении Ростислава Михайловича, несмотря на его бурную политическую деятельность и попытку овладеть болгарским престолом. В Венгрии за Ростиславом как выходцем из Руси признавали только титул «князь Галиции» («dux Galiciae») ⁴⁵. Этот же титул носила и его вдова, бывшая венгерская принцесса Анна, именуемая «княгиней Галиции, госпожой Боснии и Мачвы» («Ducissa Galitiae, de Bosna et de Mazo domine») ⁴⁶.

Как уже отмечалось, составитель Пятого продолжения *Анналов монастыря св. Пантелеимона* в качестве своего основного источника использовал официальные послания в Германию императора Фридриха II, а также документы кельнских архиепископов и, очевидно, из них почерпнул сведения о гибели австрийского герцога в поединке с «королем Руси». Информаторами нашего анналиста были также Плато Карпини и его спутники, проезжавшие через Кельн на обратном пути из Монголии в Лион. Запись о встрече с ними читается под 1247 г.: «очень подробный рассказ» одного из участников путешествия, монаха по имени Бенедикт с его слов был записан в отдельную книгу ⁴⁷.

³⁹ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Ed. T. T. Haluščynskij et M. M. Wojnar. Romae, 1962 (= Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1). Nr. 59. P. 110.

⁴⁰ Ibid. Nr. 65. P. 117–118.

⁴¹ Ibid. Nr. 41. P. 85; Nr. 42. P. 86; Nr. 48. P. 91; Nr. 51. P. 94.

⁴² Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Ed. E. Menestò. Spoleto, 1989. P. 330.

⁴³ Ibid. P. 246–247, 319, 323.

⁴⁴ Ibid. P. 338.

⁴⁵ В документах 1247–1264 г. (см.: Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Budapest, 1927. T. I. Vol. 2. Nr. 853. P. 257; Nr. 946. P. 293; Nr. 1011. P. 313; T. I. Vol. 3. Nr. 1226. P. 375–376; Nr. 1403. P. 428.

⁴⁶ Vetera Monumenta Hungariae sacram illustrantia. T. I. Nr. 501. P. 273; Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica. T. I. Vol. 3. Nr. 1406. P. 431.

⁴⁷ Annales sancti Pantaleonis Coloniensis. P. 542.

С большой вероятностью можно предполагать, что имперский хронист из Кельна в своем рассказе о «короле Руси», убийце австрийского герцога Фридриха, имел в виду того из русских князей, чей королевский титул признавали император и Римская церковь. Таковым во второй половине 1240-х годов мог быть, прежде всего, Даниил Галицкий.

Особенности композиции Летописца Даниила Галицкого

Немалую и трудно решаемую проблему представляет состояние летописной хронологии. Общеизвестно, что оригинал Галицко-Волынской летописи не имел разделения текста на годовые статьи. Даты, читающиеся ныне в Ипатьевском списке, возникли на одном из поздних этапов редакторской обработки летописи. Рассказ о поездке Даниила в Орду, возвращении на Русь, примирении с королем Белой и свадьбе в Изволине в Ипатьевском списке датирован 6758 г. Видимо, поэтому 1250 г. часто принимается историками как дата примирения и династического союза между Белой и Даниилом [Pauler, o. 279; Hóman, Szekfű, o. 152; Fuhrmann, p. 164; Kristó, s. 221; Homza, s. 69].

Лишь сравнительно недавно исследователи обратили внимание на свидетельства венгерских источников о пребывании королевского двора в городе Зволен (словацк. *Zvolen*, нем. *Altsohl*, венг. *Zólyom*), центре королевского комитата, располагавшемся на оживленной торговой дороге, соединявшей Буду и Краков. К 1246–1247 г. относятся сразу четыре грамоты Белы IV, изданные в Зволене (*Zolum/Zolim*)⁴⁸, тогда как в последующий период (1248–1253 г.) подобных случаев нет.

Наиболее ранние документы этой серии, оригиналы которых не имеют полных дат, Густав Венцель относил к 1245 г.⁴⁹, а Имре Сентпетери и Рихард Марсина — к сентябрю 1246 г.⁵⁰ Поэтому основательнее нам представляется более широкая датировка, которую предлагают Тору Сенга и Павел Малиняк: мирный договор и свадебные торжества в Изволине могли произойти в период между маем 1246 и сентябрем 1247 г. [Senga, o. 593; Maliniak, s. 132].

Для дальнейшего уточнения интересующего нас вопроса важно обратиться к результатам текстологического анализа Летописца Даниила Галицкого — первой части Галицко-Волынской летописи.

В. Т. Пашуто первым указал на существование в его составе так называемого Холмского княжеского свода 1246 г. По словам ученого, на составление летописи при холмской кафедре повлияли важнейшие события того времени — победа Романовичей в Ярославской битве, признание ханом Батыем власти Даниила и его попытка утвердить в Никее своего ставленника Кирилла в качестве киевского митрополита; все это позволило представить старшего Романовича «великим князем «русской земли», преемником власти киевских князей». Согласно В. Т. Пашуто, княжеский печатник, а впоследствии митрополит Кирилл был непосредственно причастен к составлению свода 1246 г. наряду с другими лицами, и в этом деле ему принадлежала руководящая роль [Пашуто, с. 90–92, 237].

Выводы В. Т. Пашуто поддержал и подкрепил новыми аргументами А. Н. Ужанков: митрополит Кирилл был автором первой редакции Летописца Даниила Галицкого, детально описав события первой половины 1240-х годов, в которых сам непосредственно участвовал [Ужанков, с. 356].

Известием о бракосочетании в Изволине, обусловившем мир и союз Белы с Даниилом, завершается текст первой редакции Летописца Даниила Галицкого (или Холмского свода 1246 г.). Княжеский холмский свод митрополита Кирилла, подчеркивал В. Т. Пашуто, был закончен

⁴⁸ Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 2. Nr. 120. P. 193; Pest, 1869. T. 7. Nr. 151. P. 225–226; Budapest, 1873. T. 11. Nr. 249. P. 346–347; Nr. 250. P. 348–349.

⁴⁹ Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 7. Nr. 127. P. 195.

⁵⁰ Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica. T. I. Vol. 2. Nr. 836. P. 252; Nr. 837. P. 253; Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislava, 1987. T. 2. Nr. 224. P. 156; Nr. 225. P. 156–157.

до отъезда Кирилла в Никею, после чего летописание перешло в руки другого лица [Пашуто, с. 91–92]. К такому же выводу приходит и Тору Сенга: Кирилл помог Беле и Даниилу заключить мир и совершил бракосочетание их детей в Изволине; только после этого, сочтя свою миссию исполненной, Кирилл отправился на поставление в Никею [Senga, о. 593, 596].

Уехав от Даниила Романовича и получив в Никее права русского митрополита, Кирилл по каким-то причинам не стал возвращаться в Холм; через некоторое время мы встречаем его во Владимиро-Суздальской земле, при дворе Александра Невского. Летописание в Галицко-Волынской Руси с отъездом Кирилла прерывается и возобновляется после продолжительного перерыва, согласно А. Н. Ужанкову, только после смерти Даниила в 1264 г. [Ужанков, с. 318, 324, 335, 337, 356–357, 360–364]. Думать так позволяет использование авторами второй редакции Летописца Даниила Галицкого текстовых заимствований из Хронографа 1262 г., на что обратил внимание еще А. С. Орлов [Орлов, с. 93–95].

После подробного и последовательного изложения событий 1245 – первой половины 1246 г. (в Ипатьевском списке их описание сведено в две пространные статьи 6757 и 6758 г.)⁵¹ повествование прерывается и заметно меняет свой характер. За сообщением о свадьбе в Изволине следует известие о смерти мазовецкого князя Конрада, произошедшей 31 августа 1247 г.

Изложение дальнейших событий носит беглый и явно ретроспективный характер. Стремясь перейти к описанию современных ему событий, новый летописец вспоминает известные ему дела прежних лет, уместив в одном сообщении события 1247–1249 г.: смерть князя Конрада Мазовецкого и затем его сына Болеслава (1248 или начало 1249 г.), переход стола к другому сыну Конрада Земовиту и совместный поход польских и галицко-волыньских князей против ятвягов. Подробно описанный в летописи ятвяжский поход союзных русско-польских войск, занимающий в Ипатьевском списке почти всю статью 6759 г.⁵², исследователи датируют 1248 или, более вероятно, 1249 г. [Dąbrowski, s. 295–296].

Причастность к летописанию именно Кирилла легко объясняет причину внезапной приостановки повествования: княжеский печатник покинул Холм, чтобы ехать на поставление митрополитом в Никею. По договоренности с королем Белой, отъезд произошел сразу после свадьбы в Изволине. Отсутствие в летописи описания последующих событий и, в первую очередь, сообщения о битве на Лейте говорит о том, что отъезд летописца произошел прежде, чем состоялась битва.

Итак, после возвращения Даниила Романовича из Орды (конец марта или начало апреля) и до битвы на Лейте (15 июня) должны были произойти следующие события, описанные в Галицко-Волынской летописи: визит к Даниилу специального посла венгерского короля («вицькаго», вероятно, королевского вице-канцлера, *vicescancellarius*, или вице-комита, *viccomes*) с предложением мира и союза, ответный визит в Венгрию митрополита Кирилла и его возвращение к Даниилу с новыми предложениями и гарантиями от Белы IV, поездка Даниила, Льва и Кирилла в Изволин и бракосочетание Льва с принцессой Констанцией⁵³.

Расстояние между Холмом и Будой, где весной 1246 г. предположительно мог находиться Бела IV, составляет около 650 км. На преодоление этого расстояния послами венгерского короля и галицко-волыньского князя, переговоры о мире, династическом и военном союзе, как нам представляется, могло уйти не более полутора-двух месяцев. Вероятнее всего, уже во второй половине мая было принято окончательное решение о заключении династического союза между галицко-волыньским князем и венгерским королем.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800–809.

⁵² Там же. Стб. 809–813.

⁵³ Там же. Стб. 809.

Расстояние между Холмом и Зволеном составляет около 570 км. По всей видимости, уже в конце мая или начале июня для совершения брачной церемонии сюда прибыли Даниил Галицкий, его сын Лев и митрополит Кирилл. По-видимому, во время свадебных торжеств Даниил, как это не раз бывало прежде и впоследствии, поддался на уговоры Бела принять участие в совместном походе против австрийцев.

Очевидно, в поездку в Зволен Даниила Галицкого сопровождали значительные силы его конной дружины. Точно так же в сопровождении большого конного войска галицко-волинский князь прибыл на переговоры с венгерским королем в Пожг летом 1249 г.⁵⁴ Во время первого неудачного сватовства к венгерской принцессе (осень 1240 г.) Даниила и Льва также сопровождало многочисленное галицкое боярство, остававшееся в Венгрии до ухода татар и затем благополучно вернувшееся на Русь⁵⁵.

Можно предположить, что город Зволен, расположенный неподалеку от театра начавшихся весной 1246 г. военных действий, был местом сбора королевских войск перед решающей схваткой с герцогом Фридрихом. И если Даниил Галицкий со своей дружиной оказался здесь в начале июня, то совершенно естественным выглядит его участие в предстоящем сражении в качестве нового союзника и родственника венгерского короля.

Принимая локализацию битвы на Лейте в районе современного Нойфельда-на-Лейте (нем. *Neufeld an der Leitha*, венг. *Lajtaiúfalu*, хорват. *Novo Selo*) [Dienst, s. 16–19], то есть на правом — венгерском — берегу пограничной реки, мы должны признать, что сражение стало следствием нового вторжения австрийских войск в пределы Венгерского королевства: долина реки Лейты в районе Нойфельда являлась частью исторической территории комитата Шопрон и входила в состав Венгрии вплоть до 1920 г.

Возобновившееся в июне наступление Фридриха Воинственного, надо думать, форсировало дальнейшее развитие событий. За шесть дней до битвы австрийский герцог находился в военном лагере на реке Пистинг в 4 км к западу от замка Поттендорф («in castris apud Piestnich circa Potentorf»), о чем свидетельствует жалованная грамота премонстрантскому аббатству Нойштифт (Фрайзинг, Бавария), датированная 9 июня 1246 г.⁵⁶ (см.: [Dienst, s. 11]). От места предстоящей битвы походный лагерь Фридриха отделяло около 5 км.

Концентрация на венгерской границе военных сил неприятеля, готового к новому вторжению, принудила Бела IV и союзные ему половецкие и русские войска выступить навстречу. Преодолев в несколько дней расстояние между Зволеном и местом, где впоследствии возник Нойфельд-на-Лейте, составляющее около 270 км, утром 15 июня войска венгерского короля сошлись с австрийскими и штирийскими войсками.

К этому времени митрополит Кирилл уже покинул своего князя, а составитель второй редакции Летописца Даниила Галицкого, трудившийся уже после его смерти, не знал или по каким-то причинам предпочел умолчать об участии князя в битве на Лейте.

Тем не менее, как мы уже видели, южнорусская летописная традиция вплоть до начала XVII в. сохранила память об участии Даниила Романовича в этой битве и его «крепком бое» с немцами, в котором русский князь убил австрийского герцога⁵⁷. Ни в одном из европейских источников, которыми пользовался составитель Густынской летописи, таких сведений нет. Между тем украинский летописец знал точную дату битвы на Лейте, поместив свой рассказ о ней под 1246 г., правильно указал имя поверженного герцога — Фридрих, а также сообщил еще одну достоверную деталь: Даниил пришел на помощь венгерскому королю Беле, воевавшему с австрийским герцогом, которого летописец именует «Ракускимъ княземъ». Употребление здесь

⁵⁴ Там же. Стб. 814.

⁵⁵ Там же. Стб. 789.

⁵⁶ Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich / Hrsg. H. Fichtenau und E. Zöllner. Wien, 1955. Bd. 2, Nr. 348.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 40. С. 121.

принятого древнерусскими книжниками славянского обозначения Австрии — «Ракушьска земля», последовательно использованного в Галицко-Волынской летописи⁵⁸, указывает на заимствование этого известия из русского письменного источника происходившего, по-видимому, из Галицко-Волынской Руси.

Таким образом, у нас нет оснований сомневаться в надежности сведений немецких и австрийских источников об участии в битве на Лейте на стороне венгерского короля сильного русского войска, возглавляемого «королем Руси», а также причастности русских воинов, сражавшихся в авангарде венгерской армии к убийству австрийского герцога Фридриха Воинственного. Сопоставление западноевропейских источников со свидетельствами южнорусских летописей, с учетом результатов источниковедческого анализа Галицко-Волынской летописи и расчетных данных о времени возвращения Даниила Галицкого из поездки в Орду позволяет заключить, что наиболее вероятным предводителем русского войска в битве на Лейте был галицко-волинский князь Даниил. Сказанное, однако, не исключает участия в битве другого русского князя Ростислава Михайловича, жившего в изгнании при дворе венгерского короля.

Как нам представляется, участие Даниила в битве на Лейте дает ключ к пониманию последующих событий борьбы за освободившийся австрийский престол, в которой Романовичи принимали самое активное участие. Перед рассказом о поездке Даниила в Пожг для переговоров о судьбе австрийского стола с представителями императора Фридриха II (см.: [Maiorov, 2014, с. 147–161]) летописец сообщает, что венгерский король обращался к галицко-волинскому князю, «прося его на помощь, бе бо име рать на бои с немци»⁵⁹. Как кажется, это известие следует сопоставить с данными австрийских и венгерских источников о вторжении в Австрию возглавляемых королем Белой IV венгерских войск, которое состоялось в июне 1250 г. и закончилось опустошением Мариацелля (Штирия) (см.: [Werthner, о. 112])⁶⁰. А спустя еще несколько лет, в 1252 г., произошло беспрецедентное в истории Древней Руси событие: по приглашению венгерского короля сын Даниила Роман занял вакантный австрийский престол и в неравной борьбе с другими претендентами удерживал его более года (см.: [Майоров, 2012б, с. 49–54]).

Литература

- Войтович Л. В. О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии) // Русин. 2014. № 1. С. 52–63.
- Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971 (= Свод археологических источников. Вып. Е1-36).
- Майоров А. В. Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2010. № 2. С. 140–148.
- Майоров А. В. Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // ВИ. 2011. № 7. С. 32–52 (Майоров, 2011а)
- Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011 (Майоров, 2011б).
- Майоров А. В. «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. 2012. № 3. С. 54–77 (Майоров, 2012а).
- Майоров А. В. Поход русских войск в Моравию и борьба за «австрийское наследство» в 1252–1253 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. С. 49–54 (Майоров, 2012б).
- Майоров А. В. Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батые на Южную Русь // Русин. 2013. № 1. С. 53–77.
- Майоров А. В. *Illustri regi Russiae*: королевский титул русских князей в первой половине XIII в. // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 53–61.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814, 820.

⁵⁹ Там же. Стб. 813–814.

⁶⁰ *Continuatio Sancrucensis* II. P. 642–643; *Auctarium Mariacellense* a. 978–1259 / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Т. 9. P. 647. См. также: *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. Т. 7. Nr. 223. P. 321–323; *Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica*. Т. I. Vol. 2. Nr. 928. P. 285–286.

- Мартынюк А. В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 49–55.
- Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. 1926. Т. 31. С. 93–126.
- Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009.
- Berend N. At the Gate of Christendom: Jews, Muslims and 'pagans' in medieval Hungary, c.1000 – c.1301. Cambridge, 2001.
- Daniek E. Österreich unter den Babenbergern. Wien, 1947.
- Dąbrowski D. Daniel Romanowicz. Król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.
- Dienst H. Die Schlacht an der Leitha 1246. Wien, 1971 (= Militärgeschichtliche Schriftenreihe, Heft 19).
- Engel J. Ch. von. Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken, wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir. Wien, 1796.
- Fuhrmann J. T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1976. Bd. 24. Ht. 2. S. 161–172.
- Golden P. B. The Dogs of the Medieval Quipcaqs // Varia Eurasistica: Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged, 1991. P. 45–55.
- Guérett-Laferté M. William of Rubruck // Christian-Muslim relations. A bibliographical history. Vol. 4 (1200–1350) / Eds. D. Thomas, A. Mallett. Leiden; Boston, 2009 (= History of Christian-Muslim relations. Vol. 17). P. 373–380.
- Gutkas K. Die Babenberger in Österreich. St. Pölten; Wien, 1977.
- Guzman G. G. John of Plano Carpini // Trade, Travel and Exploration in the Middle Ages / Eds. J. B. Friedman, K. M. Figg. New York, 2000. P. 307–309.
- Hóman B., Szekfű Gy. Magyar történet. II. kötet. A rendiség kialakulásának kora. Budapest, 1936.
- Homza M. K niektorým vzťahom stredovekého Spiša a Malopoľska v rokoch 1241–1270 // K stredovekým dejinám Spiša / Ed. M. Števík. Stará Lubovňa, 2003. S. 65–82.
- Juritsch G. Geschichte der Babenberger und ihrer Länder. Innsbruck, 1894.
- Kristó Gy. Die Arpadendynastie. Die Geschichte Ungarns von 895 bis 1301. Budapest, 1993.
- Lampert-Weissig L. Medieval Literature and Postcolonial Studies. Edinburgh, 2010.
- Lechner K. Die Babenberger, Markgrafen und Herzoge von Österreich, 976–1246. Wien, etc., 1976.
- Ludwig Fr. Untersuchungen über die Reise- und Marschgeschwindigkeit im XII. und XIII. Jahrhundert. Berlin, 1897.
- Maiorov A. V. The Imperial purple of the Galician-Volynian Princes // Русин. 2014. № 2. С. 147–161.
- Maliniak P. K sobášnej politike Bela IV. Dynastická svadba vo Zvolene a jej reflexie v historiografii // Historický časopis. 2008. Vol. 56. Č. 1. S. 125–135.
- Pálóczi-Horváth A. L'immigration et l'établissement des Comans en Hongrie // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1975. T. 29. P. 313–333.
- Pauler Gy. A Magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. Budapest, 1893. K. 2.
- Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient, ed. J. Dauvillier, L. Hambis. Paris, 1973.
- Phillips K. M. Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia, 2013.
- Raumer Fr. von. Kaiser Friedrich II., der Hohenstaufe und seine Zeit. Paderborn, 2012.
- Reiszig E. A jeruzsálem i Szent János Lovagrend Magyarországon [The Knights of St. John of the Hospital in Hungary]. Budapest, 1925. K. I.
- Scheibelreiter G. Die Babenberger: Reichsfürsten und Landesherren. Wien, 2012.
- Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár levele” // Századok. Budapest, 1987. Evf. 121. Sz. 4. O. 584–610.
- Sinor D. John of Plano Carpini's Return from the Mongols. New Light from a Luxemburg Manuscript // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series). 1957. Vol. 89. Nr. 3–4. P. 193–206.
- Sinor D. Taking an Oath over a Dog Cut in Two // Altaic Religious Beliefs and Practices / Ed. G. Bethlenfalvy et al. Budapest, 1992. P. 301–305.
- Uhlirz K. Das Lokal der Leithaschlacht, 1246 und das Testament Herzog Friedrichs des Streitbaren // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1900. Bd. 21. S. 155–162.
- Vajda St. Die Babenberger: Aufstieg einer Dynastie. Wien, 1986.
- Vancsa M. Geschichte Nieder- und Oberösterreichs. Gotha, 1905.
- Werthner M. IV Béla története [The History of Béla IV]. Temesvár, 1893.